

Свящ. А. Мазырин

ОБ ОДНОЙ НЕУДАЧНОЙ ПОПЫТКЕ НАЙТИ ПРАВДУ У КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА И ЕГО МОСКОВСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается частный, но весьма симптоматичный эпизод взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей, главным героем которого оказался простой сельский священник из русской глубинки. Иеромонах Софроний (Несмеянов) из Саратовской епархии в декабре 1927 г. приехал в Москву с целью посетить Временный Патриарший Священный Синод при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском) и удостовериться в наличии связи Московской Патриархии с восточными патриархами. Случилось так, что в самый момент его посещения Патриаршего Синода туда же явился представитель Константинопольского патриарха в Москве архимандрит Василий (Димопуло), состоявший почетным членом в обновленческом лжесиноде. На прямой вопрос иеромонаха Софрония греческому архимандриту пришлось дать письменный ответ, не вполне соответствовавший прообновленческой позиции Константинопольской Патриархии и его личной. Он подтвердил, что митрополит Сергий и его Синод имеют общение со всеми восточными патриархами, а женатый епископат и второбрачие духовенства Вселенская Патриархия не признают (что нисколько не мешало самому Димопуло заседать с женатыми обновленческими лжеархидиаконами в одном «Синоде», а Константинопольским патриархам состоять с этим лжесинодом в теплой переписке). Иеромонах Софроний постарался придать этому ответу огласку, что вызвало быструю реакцию со стороны обновленцев и стоявших за ними органов ОГПУ. Он был арестован, а архимандрит Василий публично отрекся от своего неблагоприятного для раскольников заявления. Перед своим арестом иеромонах Софроний успел отправить запрос самому Константинопольскому патриарху Василию III, но ответа не получил. Патриарх Василий в то время всячески ратовал за объединение Патриаршей Церкви в России с безблагодатным обновленческим псевдоцерковным сообществом. С его точки зрения, обновленческий «Священный Синод» и Московская Патриархия были совершенно

Об одной неудачной попытке найти правду у Константинопольского патриарха...

равночестны, и он не видел препятствий для проведения их совместного собора. Позиция Константинопольской Патриархии определялась не церковными, а политическими соображениями. Так в очередной раз в готовности поддерживать обновленческий раскол в России Фанар проявил свою полную беспринципность, а Русская Церковь приобрела в лице иеромонаха Софрония еще одного преподобномученика.

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, обновленческий раскол, Константинопольская Патриархия, преподобномученик Софроний (Несмеянов).*

1920–1930-е гг. для Русской Православной Церкви были, вероятно, самыми тяжелыми за всю ее историю. С одной стороны, это было время жесточайших гонений со стороны богоборческой советской власти, с другой — период сильнейших внутренних нестроений, спровоцированных, по большей части, той же властью. Бедственное положение Русской Церкви усугублялось политикой по отношению к ней Фанара (Константинопольской Патриархии), откровенно поддерживавшего тогда не каноническую Патриаршую Церковь, а псевдоцерковное безблагодатное сообщество — просоветский обновленческий раскол. Вызвано это было тем, что фанариоты надеялись при содействии обновленцев получить поддержку советской власти перед турецким правительством. Кроме того, ослабление Русской Церкви было весьма выгодно Константинопольской Патриархии, которая пыталась, пользуясь случаем, утвердить свои международные позиции, превратив свое первенство чести среди Поместных Церквей в первенство власти. С этой целью Константинопольские патриархи всячески педалировали тему скорейшего созыва «Вселенского Собора», участие в котором, по их замыслу, должны были принять и российские обновленцы. Враждебность Фанара к Русской Церкви доходила тогда до того, что патриарх Григорий VII в 1924 г. заявил о необходимости удаления Патриарха Тихона и вообще упразднения Московского Патриаршества, как якобы «родившегося во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны»¹. Официальный же представитель Константинопольской Патриархии в Москве архимандрит Василий (Димопуло) в том же году в качестве почетного

¹ Грамоты Вселенского патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 2. Здесь и далее в цитатах сохранены стиль, орфография и пунктуация подлинника.

члена вошел в состав обновленческого «Священного Синода»². Преемник Григория VII патриарх Василий III свои симпатии к обновленцам выражал еще более откровенно. В связи с проведением осенью 1925 г. второго обновленческого лжесобора он написал главе обновленцев «митрополиту» Вениамину (Муратовскому), «возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю»: «Заочно соприсутствуем с Вами»³. Его же представитель Василий (Димопуло) присутствовал вполне воочию, торжественно сослужил обновленцам, и вообще практически ни одно значительное их мероприятие тогда не обходилось без его участия.

Однако был один миг в конце 1927 г., когда показалось, что Димопуло готов переориентироваться с обновленцев на Московскую Патриархию. Произошло это после того, как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) добился подобия легализации учрежденного им в мае 1927 г. Временного Патриаршего Священного Синода и осенью того же года обратился к восточным патриархам с посланиями, в которых сообщал о переменах в положении Патриаршей Церкви в России. Довольно быстро на эти послания были получены благожелательные ответы от патриархов Иерусалимского Дамиана и Антиохийского Григория⁴. Патриарх Василий на послание митрополита Сергея отозвался лишь 7 декабря 1927 г., причем одновременно обратился с письмом и к обновленческому лжемитрополиту Вениамину (опубликованы обе грамоты были в одном выпуске фанарского официоза «Ортодоксия», причем под одним и тем же исходящим номером — 3348⁵). Патриарх Василий был встревожен, как бы легализация Московской Патриархии не повредила поддерживаемым им обновленцам. Он призывал, «чтобы дальнейшие судьбы единой всех Матери — Св. Российской Церкви — были устроены совместно и твердо в братском совместном решении всех»: «Никто пусть не возражает против такого устройства совместного совершения и единодушного решения, как будто бы невозможного и нео-

² Хроника // Церковное обновление. 1924. 12 нояб. № 17–18. С. 75.

³ Письмо Вселенского (Константинопольского) патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.

⁴ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 522, 530–532.

⁵ См.: Επίσημα ἐγγράφα // Ορθοδοξία. 1928. Σ. 529–533.

Об одной неудачной попытке найти правду у Константинопольского патриарха...

существимого. От другой из частей, а именно от Священного Синода, нам представлены достаточные доказательства охотного, как нам известно, расположения к общему совместному обсуждению на соборе относительно восстановления и правильной организации церковных дел. Так как, благодатию Божиею, теперь проникает всех в обеих ориентациях единый дух <...> и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны Государственной Власти и Вашего положения, мы поистине не видим, какое еще может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем соборе»⁶. Иными словами, в глазах Василия III обновленческий «Священный Синод» и Московская Патриархия были совершенно равночестны, они для него не более чем две «части» или «ориентации», в которые «проникает единый дух». Обновленцы были в восторге от этого опуса Вселенского патриарха и с удовольствием опубликовали его в своем «Вестнике», вслед за его письмом от того же 7 декабря «Председателю Священного Синода Церкви Российской», в котором содержалось «то же самое горячее представление о мире и совместном обсуждении»⁷.

Примечательное событие с еще более примечательным продолжением, о котором ниже и пойдет речь, случилось именно в связи с отправкой патриархом Василием своего письма митрополиту Сергию. Произошло оно 23 декабря 1927 г., в момент посещения Заместителя Местоблюстителя архимандритом Василием для передачи послания патриарха Василия. Так совпало, что именно в тот же день и час в Патриархию прибыл сельский священник из Саратовской епархии — иеромонах Софроний (Несмеянов), причем специально для того, чтобы выяснить, есть ли у Патриаршего Синода связь с восточными патриархами. В Московской Патриархии ему ответили, что такая связь есть, и пообещали выдать копии соответствующих грамот (Иерусалимского и Антиохийского патриархов). О том, что произошло дальше, весьма выразительно повествуется в протоколе допроса иеромонаха Софрония от 15 февраля 1928 г.: «Когда я дожидался снятия копий с грамот, то в Патриарший Священный синод пришел архимандрит Василий Димопуло, представитель Вселенского Патриарха Константинопольского, я его

⁶ Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). Ч. офиц. С. 2–3.

⁷ Там же.

лично не знал, но когда он пришел, то присутствующие здесь сказали мне, что это есть Василий Димопуло. Когда он, Василий Димопуло пришел, то сказал, что он пришел к Сергию Нижегородскому с пакетами от Патриарха Константинопольского, и прошел к Серафиму (Александрову, члену Патриаршего Синода. — *свящ. А. М.*). Когда Димопуло стал выходить от Серафима, то я подошел к нему и сказал: “Отец Архимандрит, Вы что в два Синода ходите и делаете раскол, к обновленцам и [в] Патриарший Синод”, на что Димопуло сказал: “Нет! Нет!” Тогда я сказал Димопуло: “А что вы мне дадите документ, что наш Митрополит Сергей и наш Патриарший Синод признается Вселенскими Патриархами”, на что Димопуло сказал, что даст, и предложил мне прийти к нему в канцелярию и дал адрес. Когда я получил копии грамот Патриархов в Патриаршем Священном Синоде, то тут же поехал по указанному мне Димопуло адресу в его канцелярию, где он мне и вручил писанный документ за № 1018 от 23 декабря 1927 г. и свою визитную карточку»⁸.

Не совсем понятно, чем так подействовал поволожский священник-простец⁹ на заморского гостя, но архимандрит Василий действительно вручил иеромонаху Софронию довольно важный и содержательный документ с собственноручной подписью и круглой печатью с византийским двуглавым орлом и надписью «Духовно-дипломатическая миссия Константинопольского Вселенского Патриархата в России». Оригинал этого документа хранится в следственном деле иеромонаха Софрония как «вещественное доказательство» его «контрреволюционной» деятельности¹⁰. Документ гласил: «В ответ на Вашу просьбу сообщаю, что Заместитель Местоблюстителя Патриарха митрополит Нижегородский Сергей и его Священный Синод имеют письменное и молитвенное общение с Великой Христовой Церковью Вселенской и всеми Восточными Вселенскими Патриархами. Вселенская Константинопольская Патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства, так как это противоречит правилам церковным, действующим во всей православной церкви. Мною, как Предста-

⁸ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 20 об. – 21.

⁹ В анкете перед протоколом допроса иеромонах Софроний указал, что происходит из крестьян, а на вопрос об образовательном цензе ответил: «Имею домашнее образование» (Там же. Л. 19).

¹⁰ Там же. Л. 5.

Об одной неудачной попытке найти правду у Константинопольского патриарха...

вителем Вселенского Патриарха в СССР в свое время был заявлен протест от лица Вселенской церкви в Священном Синоде, стоящем во главе обновленческого течения в русской церкви, против введения в жизнь женатого епископата. Желание святой Матери Церкви Вселенской всегда было — чтобы в русской братской церкви восстановился мир и единение, о чем она и возносит свои молитвы Господу Богу»¹¹.

Как видно, при необходимости архимандрит Василий готов был дать желаемый ответ и представителям Патриаршей Церкви. Причем в приведенном документе он даже не очень сильно покривил душой. Письменное и молитвенное общение Московской Патриархии с восточными патриархами действительно сохранялось. Женатый епископат и второбрачие духовенства Фанаром официально не признавались. Более того, сам архимандрит Василий и впрямь в начале 1925 г. выступил на обновленческом пленуме против посвящения в архиереи в брачном состоянии, и обновленцам пришлось тогда постановить: «Признавая каноническое достоинство уже хиротонисанных женатых епископов, учреждение коих было вызвано по местам исключительными обстоятельствами, впредь новых не посвящать, ожидая окончательного решения вопроса о них Вселенского собора»¹². Свой «протест», правда, Димопуло выразил тогда весьма мягко, так что обновленческая печать со ссылкой на него самого потом пояснила, что «заявление на январском пленуме Синода было его частным мнением, притом не особенно упорным, и что никаких полномочий от своего патриарха на это выступление он не получал»¹³. Кроме того, показное несогласие с обновленческой практикой женатого епископата нисколько не мешало архимандриту Василию поддерживать прекрасные отношения с деятелями типа лжемитрополита Александра Введенского, служить с ними, величать их архиерейскими титулами, заседать с ними в одном «Священном Синоде» и спокойно закрывать глаза на то, что постановление не посвящать новых женатых «епископов» осталось у обновленцев мертвой буквой.

¹¹ Опубликовано: *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М., 2011. С. 195.

¹² Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // *Голос Православной Украины*. 1925. 15 февр. № 4. С. 1–2.

¹³ Деяние III-го Всероссийского поместного собора, бывшего с 1 октября 1925 года, нового стиля, в городе Москве // *Церковное обновление*. 1926. 25 янв. № 1. С. 5.

Тем не менее, официальный документ, выданный архимандритом Василием, в целом был вполне благоприятным для Патриаршей Церкви, и не удивительно, что он весьма вдохновил его получателя. Иеромонах Софроний по возвращении в свою Саратовскую епархию показал его целому ряду лиц и дал снять с него несколько копий. Интересно, что местный викарий, епископ Вольский Симеон (Михайлов), которому он тоже рассказал о привезенных из Москвы документах, строго запретил иеромонаху Софронию их дальнейшее размножение. Видимо, он, как политически более опытный, понимал, чем это чревато. Действительно, уже 12 февраля 1928 г. уполномоченным Саратовского губотдела ОГПУ было подписано постановление, в котором говорилось, что «гр[аждани]н Несмеянов, проживая в селе Юрьевке, где служит священником, с целью завоевания себе авторитета среди гр[ажда]н Б.-Озерской и Балтайской волости занялся изготовлением и распространением контрреволюционных документов, направленных к подрыву Советской власти»¹⁴. Можно, конечно, удивиться такой постановке вопроса (получалось, что архимандрит Василий своим документом *подрывал* советскую власть), но уже 15 февраля иеромонах Софроний был арестован.

Инициаторами ареста, как нередко бывало, выступили местные обновленцы, давшие следствию необходимые свидетельские показания. «Обновленцы, — объяснял затем уполномоченному ОГПУ иеромонах Софроний, — посмотрев у меня документ Димопуллы (так. — *свящ. А. М.*), возмутились и заявили мне, что меня за этот документ арестуют и его у меня отберут. Так это и произошло»¹⁵. Скорость реакции обновленцев на действия иеромонаха Софрония показывает, сколь опасными они им показались. 12 января 1928 г. местный обновленческий благочинный представил в «Вольское епархиальное управление» доклад, который незамедлительно был переслан в «Священный Синод», а тот, в свою очередь, запросил разъяснения у самого Димопуло. Представителю Фанара пришлось оправдываться, в докладе от 26 января на имя «Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Вениамина, митрополита Московского и Коломенского, председателя Священного Синода православных Церквей в СССР» архимандрит Василий писал: «Иеромонаха с. Юрьевки Софрония лично не знаю. Был ли он у меня в моей квартире, не помню,

¹⁴ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 42.

Об одной неудачной попытке найти правду у Константинопольского патриарха...

так как у меня ежедневно бывает множество разнообразных лиц различных церковных ориентаций. Но категорически заявляю, что грамоты с таким или даже подобным содержанием, как оно передается в упомянутом докладе (вольского обновленческого благочинного. — *свящ. А. М.*), я не выдавал и выдать не мог. <...> Это было бы тем более странно и непонятно, что, как известно, я, по избранию Собора Православных Церквей в СССР 1925 г., состою почетным членом президиума Свящ. Синода»¹⁶. С последней сентенцией действительно трудно было спорить. В тот же день, 26 января 1928 г., обновленческий «Синод» постановил разослать это заявление Димопуло на места «ввиду важности этого доклада, для предотвращения наблюдавшихся особенно в последнее время ложных и клеветнических выпадов против Свящ. Синода со стороны староцерковников, доходящих, в некоторых случаях, до определенных подлогов, — к сведению и объявлению по епархии в потребных случаях»¹⁷.

Отреагировали на действия иеромонаха Софрония обновленцы и в своей центральной печати. В номере за февраль 1928 г. «Вестника Синода» сообщалось: «Из Вольской епархии получен доклад архиепископа Вольского Михаила о том, что какой-то иеромонах Софроний распространяет сведения о том, что и Патриарх Вселенский Василий III и его представитель отмежевались от обновленческого Свящ. Синода и признают каноничным только митрополита Сергия. В доказательство показывает какие-то грамоты и с какими-то печатями». Какие именно грамоты показывал иеромонах Софроний, выше уже показано. Это грамоты Иерусалимского и Антиохийского патриархов, а также бумагу Василия (Димопуло) с его печатью. Слов о том, что «Патриарх Вселенский Василий III и его представитель отмежевались от обновленческого Свящ. Синода и признают каноничным только митрополита Сергия», там не было. Тем не менее, обновленцы, а с ними и Димопуло, решили перестраховаться, поэтому далее обновленческий «Вестник» вещал: «... все эти своеобразные документы явно подложны. Архимандрит Василий пришел в ужас, когда узнал, какие суждения ему приписываются, и поспешил официальным путем опровергнуть эту очередную ложь»¹⁸.

¹⁶ Указ Свящ. Синода от 4.II с. г. № 529 // Тульские епархиальные ведомости. 1928. Март. № 3. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Голос Вселенского Патриарха о современном положении Православной Церкви в

Конечно, греческий архимандрит мог сколько угодно «приходить в ужас» и заявлять, что иеромонаха Софрония он не знает и не помнит, был ли он у него (не исключено, что и впрямь подзабыл: по свидетельству М. Е. Губонина, Димопуло «всегда казался несколько “под мухой” или, выражаясь деликатнее, — “а бон кураж”»¹⁹). Но факт есть факт: документ за № 1018 от 23 декабря 1927 г. с собственноручной подписью и печатью он иеромонаху Софронию выдал, а тот успел его показать достаточному числу лиц и снять с него копии. В результате архимандриту Василию пришлось писать еще одно «опровержение», которое было опубликовано в следующем номере синодального «Вестника»: «В силу того смущения, какое производит на верующих документ от 23 декабря 1927 года за № 1018, выданный на имя иеромонаха Софрония Несмеянова, а также ввиду того, что в настоящее время, к моему большому прискорбию и удивлению, до меня дошли сведения, что эту бумагу он имеет наглость употреблять как орудие пропаганды для смущения верующих, причем он еще распространяет различные провокационные слухи и сведения, не имеющие никакого основания, говоря, что я состою в Синоде Митроп[олита] Сергия Нижегородского, что вся Вселенская патриархия признает лишь его и отмежевывается от других ориентаций и т. п., — имею заявить, что означенный документ следует считать недействительным».

Следует заметить, что, вопреки первоначальному заявлению обновленцев про *подложность* документов, распространяемых иеромонахом Софронием, Димопуло не опровергал самого факта выдачи им грамоты от 23 декабря и лишь впредь объявлял ее *недействительной*. Далее он разъяснял, какова же на самом деле позиция его и его стамбульского патрона: «В силу грамот Вселенского Патриарха от 7 декабря 1927 года за № 3348, только Совместный Собор, с обязательным участием обеих половин Православной Церкви в СССР, правомочен выяснить разделяющие ту и другую половину Православной Церкви разногласия (в частности, и вопрос о женатом епископате). До означенного же соборного решения СССР // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 13.

¹⁹ Губонин М. Е. «Кифа»: Очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2012. С. 329.

Об одной неудачной попытке найти правду у Константинопольского патриарха...

никакие осуждения с той и другой стороны не должны иметь места как препятствующие умиротворению Церкви и способствующие углублению происшедшего разделения, — что решительно осуждается Вселенским Патриархом»²⁰. Как видно, для «умиротворителя» Димопуло и вопрос о женатом епископате был вполне решаемым, про свои же слова о том, что «Вселенская Константинопольская Патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства», он с легкостью забывал. Обрадованный обновленческий «Синод» циркуляром от 10 марта 1928 г. разослал новое «опровержение» Димопуло всем своим епархиальным управлениям для объявления духовенству и приходским советам²¹. Можно даже удивиться, сколько переполоха произвел у обновленцев всего лишь один простой сельский священник.

Перед своим арестом неутомимый иеромонах Софроний успел предпринять еще одну попытку выяснить правду об отношении Константинополя к обновленцам, о чем он также дал показания на допросе 15 февраля: «После того как из обновленческого Синода <...> пришла бумага, в которой указывалось, что полученные мною документы подложны, то я решил эти документы проверить и решил написать заявление Константинопольскому Патриарху Василию III с просьбой подтвердить полученные мною грамоты и заявление Димопуло. Я написал заявление, приложил к нему все полученные мною документы, но не в подлинниках, а в копиях, и послал. <...> Ответ на мое заявление я не получил»²². В ответ на обвинение в изготовлении подложных документов иеромонах Софроний написал 12 апреля саратовскому уполномоченному ОГПУ объяснительную записку: «Проверить подлинность документа можно путем сличения подписи Димопуллы (так в ориг. — *свящ. А. М.*) и печати. Если факт отречения Димопуллы от выдачи этого документа подтвердится и если подлинность этого документа станет несомненной, то авторитет Димопуллы в сане архимандрита в глазах не только всех священнослужителей, но и всех верующих всей вселенской церкви теряет доверие и колеблет веру в Бога»²³.

²⁰ Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 3–4 (26–27). Ч. офиц. С. 2.

²¹ См.: Там же.

²² Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 25.

²³ Там же. Л. 42.

Веры в Бога иеромонах Софроний из-за лукавства «Димопуллы», конечно же, не потерял, но доверие к представителям Фанара у русских православных людей было подорвано очень сильно и надолго. Проведя полгода в заключении, иеромонах Софроний получил 17 августа 1928 г. от Особого совещания при Коллегии ОГПУ неожиданно мягкий приговор: «НЕСМЕЯНОВА Сафрония (так в ориг. — *свящ. А. М.*) Харитоновича из-под стражи ОСВОБОДИТЬ, зачтя в наказание срок предварительного заключения»²⁴. Видимо, в ОГПУ все же поняли, что документ с печатью и за подписью представителя Константинопольского патриарха был вполне подлинным, даже если сам Димопуло и объявил его затем недействительным. Однако обновленцы с Димопуло старались не напрасно: в 1930 г. иеромонах Софроний был повторно арестован и сослан на три года в Северный край. Конечно, неудачная попытка деревенского иеромонаха найти правду у греков сама по себе весьма показательна. Обновленцы Фанару определенно были ближе, чем такие правдоискатели, да и чем Московская Патриархия тоже. Позднее, в 1936 г. митрополит Сергей с сожалением писал митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому): «Что же касается Патриарха Константинопольского, то после всех неправд, учиненных и учиняемых им в отношении Русской Церкви, после открытого братанья с обновленцами и другими нашими раскольниками, говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно»²⁵.

Общение Московской Патриархии с Фанаром было восстановлено только лишь в 1940-е гг., когда и обновленческий раскол в России сошел на нет, и политика советского руководства в отношении Русской Православной Церкви существенным образом изменилась. Иеромонах Софроний (Несмеянов), однако, этого уже не застал. В 1937 г. преподобномученик Софроний был расстрелян и ныне причислен к лику святых²⁶.

²⁴ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 49.

²⁵ Из письма Блаженнейшего митрополита Московского Сергея митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской православной епархии. 1936. № 7–8–9. С. 7.

²⁶ Подробнее о нем см.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь, 1999. С. 275–294.